

DOI: 10.24412/2587-7844-2024-1-25-39

УДК 821.161.1.09(045)

«СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» В СТРУКТУРЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ "ПАЛЛАДА"»

А.А. Касьянова (Ижевск, Россия)

Аннотация

Постановка проблемы. В статье поставлена задача рассмотреть произведение «Фрегат “Паллада”» с точки зрения соответствия его характеристикам древнерусской литературы, представленной жанром «хождений», основной особенностью которого является наличие оппозиции «свое»/«чужое», через ее призму путешественник воспринимает окружающий мир, наделяя его теми или иными качествами.

Цель статьи – рассмотреть описания «своего» и «чужого» мира во второй главе произведения (потому что на протяжении описанного в ней пути путешественник впервые по-настоящему отделяется от «знакомого» мира), данные ему «новым паломником», охарактеризовать через их соотношение представление русского человека о мире в контексте его религиозности, духовности как существенной черты русской словесности, отмечаемой многими исследователями, например Г.В. Мосалевой, В.Н. Захаровым, И.А. Есауловым, М.М. Дунаевым, И.А. Казанцевой.

Обзор научной литературы по проблеме. Осмыслению творчества И.А. Гончарова в части его религиозности посвящены исследования В.И. Мельника, Г.В. Мосалевой, Н.Л. Ермолаевой.

Методология (материалы и методы). Методами, используемыми в статье, являются герменевтический и православно-аксиологический.

Результаты исследования. В результате анализа описаний «своего» и «чужого» формируются основные характеристики пространств: «чужого» – представленного образом моря и Мадеры, и «своего», в качестве которого выступают русский фрегат как образ дома и его команда.

Выводы. Проведенное исследование показало, что «чужое» пространство не будет близко русскому человеку, но «чуждость» раскрывается только при непосредственном взаимодействии, поскольку издали оно способно заманивать искусственностью и мнимой красотой.

Ключевые слова: Гончаров И.А., «Фрегат “Паллада”», религиозные мотивы, свой и чужой мир, «хождение».

Постановка проблемы. «Фрегата “Паллада”» – произведение очень специфическое в части определения его природы: за внешней эпистолярной формой писем обнаруживаются черты таких жанров, как записки, летопись, дневник, «легкий очерк», как характеризовал свой труд писатель [Мосалева, 2018], присутствуют «чисто художественные главы», например «Русские в Японии» и «Шанхай» [Орнатская, 1986, с. 766].

Современные исследователи видят истоки жанра «Фрегата “Паллада”» в «литературном путешествии» [Краснощекова, 1997], а через него, в свою очередь,

в древнерусской словесности, представленной жанром «хождений» – произведений, описывающих паломничество автора [Мосалева, 2018]. Основной характеристикой жанра «хождений» в его поздней разновидности (начиная с XV в.) является наличие ярко выраженной оппозиции «свое»/«чужое» (в то время как в более ранних образцах паломник, кажется, не замечает «чужого», не связанного с целью его путешествия, вовсе). Через осмысление «своего» и «чужого» мира путешественник-паломник выстраивал отношение православного человека к окружающей действительности. Оппозиция «свое»/«чужое» является и одной из ведущих черт «Фрегата “Паллада”». Через описание «своего» и «чужого» раскрывается отношение путешественника, современного, «нового паломника», к миру в контексте представлений о нем русского человека. Поэтому изучение данных аспектов произведения является, на наш взгляд, актуальным.

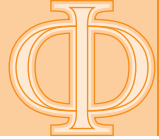
Цель статьи – рассмотреть описания «своего» и «чужого» мира (в частности, во второй главе, так как в ней путешественник впервые по-настоящему отдаляется от обоих миров: «знакомого», «своего» русского и «чужого» европейского), данные ему «новым паломником», охарактеризовать через их соотношение представление русского человека о мире в контексте его религиозности, духовности – существенной черты русской словесности, отмечаемой такими исследователями, как В.Н. Захаров [Захаров, 1998], М.М. Дунаев [Дунаев, 2003], И.А. Есаулов [Есаулов, 2004], Г.В. Мосалева [Мосалева, 2009], И.А. Казанцева [Казанцева, 2009].

Обзор литературы по проблеме. Осмыслению творчества И.А. Гончарова посвящены исследования В.И. Мельника [Мельник, 2014; Мельник, 2022], в своей монографии называющего писателя «христианином, тихо, обязательно и смиренно посещающим храм и церковную службу» [Мельник, 2012, с. 46], несмотря на окружавший его мир либеральных взглядов. В работах Г.В. Мосалевой художественный мир писателя («Обыкновенная история», «Обломов», «Обрыв», «Фрегат Паллада») представлен в виде храмовой тетралогии [Мосалева, 2023]. Рассматривается, в частности, противопоставление «чужого» мира (в том числе моря) «своему», представленному образом Дома-Почвы, путешествующим по «океану» «чужого», кораблем-храмом [Мосалева, 2017; 2018]. В исследовании Н.Л. Ермолаевой русский мир (фрегат «Паллада») мыслится как патриархальное сообщество, обращается внимание на постепенную замену автором в тексте местоимения «я» на «мы» [Ермолаева, 2013], что можно рассматривать как духовное единение русского народа, «своего» среди «чужого». Отражению «своего» и «чужого» в литературе путешествий посвящены труды таких исследователей, как М.В. Аксенова, которая рассматривает мир «своего» и «чужого» с точки зрения их оппозиции и взаимного влияния друг на друга [Аксенова, 2018], выдвигает идею о том, что в целом пространство травелога, как территориальное, так и временное, подчинено условному разделению на эти два противоположных мира [Аксенова, Чарчоглян, Садиева, 2019]. По мнению исследователей, «свое» – пространство родной страны; «чужое» – все за его пределами. Проблему «свое/чужое» в травелогах русских писателей рассматривает Л.Н. Набилкина, приходя

к выводу, что познание «своего» мира в произведениях данного жанра зачастую происходит через открытие «чужого» [Набилкина, 2014].

Методы исследования – герменевтический (в части раскрытия смыслов произведения) и православно-аксиологический (рецепция православной традиции в русской литературе, в произведении «Фрегат “Паллада”» в частности), используемый в работах таких исследователей, как, например, И.А. Есаулов и Г.В. Мосалева [Есаулов, 2007; Мосалева, 2008].

Результаты исследования. «Свое» во «Фрегате “Паллада”» можно определить как «принадлежащее» человеку, свойственное ему, родное. «Чужое» – как своеобразный антипод этого понятия, принадлежащее другому, далекое и «чуждое». Во второй главе произведения продолжается знакомство путешественника с «чужим» – пространством моря, представленным Атлантическим океаном. Все знания, полученные об этом «чужом», почерпнуты современным «паломником» из чужих впечатлений – от характеристик, данных поэтами: *он (океан) безбрежен, мрачен, угрюм, беспределен, неизмерим и неукротим* [Гончаров, 1986, с. 57], где звучит намек на стихотворение А.С. Пушкина «К морю» (1824), представляющими данное «чужое» возвышенно, с позиции мрачной романтики, до простого, лишённого всякой субъективности объяснения учителя географии: *...просто – Атлантический* [Там же]. Океан обретает человеческое лицо, точнее, «физиономию» (такое определение как бы намекает на все еще достаточно неопределённое отношение автора к этому «чужому» пространству), в него вглядываются, как *в человека, которого знали по портрету* [Там же], что подчеркивает его «незнакомость» – по портретам обычно «знают» исторические фигуры, людей, чем-либо снискавших славу, оставаясь в совершеннейшем неведении относительно их подлинной личности. Кроме того, портреты могут приукрашивать даже в чисто визуальном плане, и в результате они оказываются далеки от оригинала. Это же отмечает и автор: *Мне хотелось поверить портрет с подлинными чертами лежавшего передо мной великана...* [Там же]. Отношение к «чужому», Атлантическому океану, настороженное: он сравнивается с «неизмеренным омутом», и в то же время приобретает черты «старца», мудреца. Данное «чужое», кажется, даже обретает визуализированную способность мышления, наделяется чувствами: *Он был покоен: по нем едва шевелились легкими рядами волны, как будто ряды тихих мыслей, пробегающих по лицу; страсти и порывы молчали* [Там же]. Перевод «чужого» обширного пространства в условно человеческую параллель, его персонификация, даёт возможность судить о нем с человеческой точки зрения. Что нивелирует его абсолютную непознаваемость. Этот довольно ироничный переход подчеркивается следующими контрастами: необозримый океан – опускающийся на него горизонт *в виде довольно грязной занавески* [Там же], перевод взгляда с необозримого пространства океана (и прерывание возвышенных размышлений о нем) на «физиономию» Фадеева, зовущего путешественника обедать. И тот охотно принимает это приглашение, ведь наверху «холодно». «Паломник» возвращается к остальным, представляющим собой «островок Родины», единство в вере.

«Свое» в пространстве «чужого», представленного океаном (в данном случае – штормящим), путешественник находит в мире сна: *во сне ведь другая жизнь и, стало быть, другие обстоятельства – приснитесь вы, ваша гостиная или дача какая-нибудь; кругом знакомые лица...* [Гончаров, 1986, с. 59]. В первые мгновения пробуждения, на границе сна и яви проявляется коварная суть «чужого» мира, воплощающего собой хаос, пытающегося исказить «свой», сделать его отчасти страшным: *...вдруг хаос – ваши лица искажаются в какие-то призраки; полуоткрываешь сонные глаза и видишь не то во сне, не то наяву половину вашего фортепиано и половину скамьи; на картине, вместо женщины с обнаженной спиной, очутился часовой; раздался внезапный треск, звон...* [Там же]. Однако «нового паломника» не пугает разбушевавшееся пространство «чужого» мира – напротив, оно становится скучным, потому что однообразно, пусть и красиво: *Я постоял у шпилья, посмотрел, как море вдруг скроется из глаз совсем под фрегат и перед вами палуба стоит стоймя, то вдруг скроется палуба и вместо нее очутится стена воды, которая так и лезет на вас. Но не бойтесь: она сейчас опять спрячется, только держитесь обеими руками за что-нибудь. Оно красиво, но однообразно...* [Там же, с. 60]. Между тем смеяться над «чужим» нельзя – оно способно наказывать: *смеяться на море безнаказанно нельзя: кто-нибудь тут же пойдет по каюте, его повлечет наклонно по полу; он не успеет наклониться и, смотришь, приобрел шишку на голове; другого плечом ударило о косяк двери, и он начинает бранить бог знает кого* [Там же, с. 59]. «Чужое» пространство, море, наводит свои порядки, «подминающие» под себя устои, сложившиеся на корабле, и сами принципы человеческого существования: *Порядок дня и ночи нарушен, кроме собственного морского порядка, который, напротив, усугублен. Но зато обед, ужин и чай становятся как будто посторонним делом. Занятия, беседы нет... Просто нет житья!* [Там же, с. 60]. Образом «своего» становится полукруглая софа в капитанской каюте: *«...надежное убежище от кораблекрушения... Сядешь на эту софу, и какая бы качка ни была – килевая ли, то есть продольная, или боковая, поперечная, – упасть было некуда. Одна половина софы шла вдоль, а другая поперек фрегата. Тут не пускал упасть шкаф, а там пианино»* [Там же, с. 61]. С нее море кажется гораздо более далеким – за окошками. Мягко укоряет путешественник восхищающихся «чужим» миром моря, к которым поначалу относил и себя. Поэзия «чужого» манит лишь тогда, когда оно находится в безопасной дали. Непосредственное знакомство показывает то, что в нем нет ничего хорошего: *Буря – прекрасно! поэзия!» – скажете вы в ребяческом восторге... Может быть, оно и поэзия, если смотреть с берега, но быть героем этого представления, которым природа время от времени угощает плователя, право, незанимательно. Сами посудите, что тут хорошего?* [Там же, с. 61]. «Чужому» даются характеристики зверей, злых, «бешеных», «остервенелых», в нем, дымном и туманном, слышны только стоны: *Огромные холмы с белым гребнем, с воем толкая друг друга, встают, падают, опять встают, как будто толпа вдруг выпущенных на волю бешеных зверей*

дерется в остервенении, только брызги, как дым, поднимаются да стон носится в воздухе [Гончаров, 1986, с. 61]. Но образ «своего», фрегат, стойко держится в окружающем его хаосе: *Фрегат взберется на голову волны, дрогнет там на гребне, потом упадет на бок и начинает скользить с горы, спустившись на дно между двух бугров, выпрямится, но только затем, чтоб тяжело перевалиться на другой бок и лезть вновь на холм. Когда он опустится вниз, по сторонам его вздымаются водяные стены* [Там же, с. 61]. Таким образом, возникает противопоставление образа «своего», к которому относится фрегат как суша, кусочек берега, родной почвы, характеризующий устойчивость, и «чужого» – изменчивого, непостоянного и фантомного (туманного) моря.

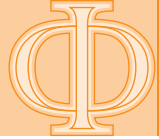
Также «чужому» миру моря приписывается искусственность, идущая параллельно фантомности: *Там рядом с обыкновенным, природным днем является какой-то другой, искусственный, называемый на берегу ночью, а тут полный забот, работ, возни* [Там же, с. 65]. Примечательно, что при описании другого «чужого» пространства, мира Англии, используются аналогичные характеристики: оно тоже туманно-призрачно, обманчиво и искусственно, отличие только в том, что оно, городской блестящий «океан», старается быть ярким, до времени держа «маску»: *Не забуду также картины пылающего в газовом пламени необъятного города... Паровоз вторгается в этот океан блеска и мчит по крышам домов, над изычными пропастями, где, как в калейдоскопе, между расписанных, облитых ярким блеском огня и красок улиц, движется муравейник* [Там же, с. 34].

«Чужое» угнетает, старается вогнать попавшего в его пространство путешественника в уныние, заставить потерять веру в «родное» пространство, сомневаясь, существовало ли оно когда-нибудь вообще, «потеряться»: *Человек мечется в тоске, ищет покойного угла, хочет забыться, забыть море, качку, почитать, поговорить – не удастся... «Да неужели есть берег? – думаешь тут, – ужели я был когда-нибудь на земле, ходил твердой ногой, спал в постели, мылся пресной водой, ел четыре-пять блюд и все в разных тарелках, читал, писал на столе, который не пляшет? Ужели есть сады, теплый воздух, цветы...* [Там же, с. 65]. И паломник, прибегая к демонстрации собственных чувств, призывает ценить каждую «незначительную» «песчинку» «родного», в «своем» пространстве кажущуюся чем-то само собой разумеющимся и якобы недостойную внимания: *И цветы припомнишь, на которые на берегу и не глядел* [Там же, с. 65]. «Чужой» мир моря для путешественника окончательно теряет не только всю свою кажущуюся привлекательность, но даже некоторую «возвышенность» – переходя из разряда «поэтического» в будничное (от эпитетов Байрона и Пушкина к эпитету, которым характеризует море простой матрос Фадеев, видящим это «чужое» постоянно и непосредственно близко): *...неблагодарно взглянул на океан и, пробираясь в общую каюту, мысленно поверял эпитеты, данные ему Байроном, Пушкиным, Бенедиктовым и другими – «угрюмый, мрачный, могучий», и Фадеевым – «сердитый». «Соленый, скучный, безобразный и однообразный!» – прибавил я к этому списку...* [Там же, с. 66].

«Оживает» путешественник только на подходе к Мадере – и ему начинает казаться, что посещение подобных мест это именно то, чего он желал от своего путешествия. Эту землю «новый паломник» четко разграничивает с Европой и даже в каком-то плане (отсутствие искусственности и «холода», добродушие и открытость) сравнивает с родиной: *...мы уже и вышли из Европы и подходили... к Костроме, в своем роде* [Гончаров, 1986, с. 67]. Путешественник уверен, что только теперь он начал по-настоящему путешествовать, «пробудясь» от тягостного сна, и вместе с южным теплом в его душу приходит покой. Противопоставлением прежнему хаосу становится гармония, которую путешественник (в аллегории – верующий, паломник) обретает, с честью пройдя испытания: *Мне казалось, что я с этого утра только и начал путешествовать, что судьба нарочно послала нам грозные, тяжелые и скучные испытания, крепкий, семь дней без устали свирепствовавший холодный ветер и серое небо, чтоб живее тронуть мягкостью воздуха, теплым блеском солнца, нежным колоритом красок и всей этой гармонией волшебного острова, которая связует здесь небо с морем, море с землей – и все вместе с душой человека* [Там же, с. 68]. Далее описание, на этот раз куда более по-настоящему дружественного, «чужого» мира становится близко к описанию ожиданий от путешествия в начале книги: *хочу в Бразилию, в Индию, туда, где солнце из камня вызывает жизнь и тут же рядом превращает в камень все, чего коснется своим огнем; где человек, как праотец наш, рвет несаяный плод, где рыщет лев, пресмыкается змей, где царствует вечное лето, – туда, в светлые чертоги Божьего мира, где природа, как баядерка, дышит сладострастием, где душно, страшно и обаятельно жить, где обессиленная фантазия немеет перед готовым созданием, где глаза не устанут смотреть, а сердце биться* [Там же, с. 9]. Оно контрастно, ярко и несовместимо реально-волшебно: *На вершине белелся снег, а бока покрыты темною, местами бурюю растительностью; кое-где ярко зеленели сады. В разных местах по горам носились облака. Там белое облако стояло неподвижно, как будто прильнуло к земле, а там раскинулось по горе другое, тонкое и прозрачное, как кисея, и сеяло дождь; гора опоясывалась радугами. В одном месте кроется целый лес в темноте, а тут вдруг обольется ярко лучами солнца, как золотом, крутая окраина с садами. Не знаешь, на что смотреть, чем любоваться; бросаешь жадный взгляд всюду и не успеваешь следить за этой игрой света, как в диораме* [Там же, с. 69]; *...А декорация гор все поминутно менялась: там, где было сейчас свежо, ясно, золотисто, теперь задернуто точно флером, а на прежнем месте, на высоте, вдруг озарились бурые холмы опаленной солнцем пустыни: там радуга* [Там же, с. 70]. Путешественник имеет своей целью как бы совершить «паломничество», но не к конкретным «святым» местам, а по всему «Божьему миру» (в чертоги Божьего мира) в его единстве и полноте. Не забывает «новый паломник» в обязательном порядке среди всего этого великолепия упомянуть и наличие церкви, «венчающей» его: *На полгоре, на уступе, видна церковь, господствующая над садами и над городом* [Там же, с. 69].

Но тут же тонко иронизирует по поводу хороших манер более «открытых» «чужих»: *Приехал капитан над портом поздравить с благополучным прибытием и осведомиться о здоровье плавателей. Кажется, чего учтивее? А скажите-ка, что вы нездоровы, что у вас, например, человек двадцать-тридцать больных лихорадкой, так вас очень учтиво попросят не съезжать на берег и как можно скорее удалиться* [Гончаров, 1986, с. 69]. Таким образом, восторгается путешественник самой природой новых мест, но не «новыми» людьми. «Чужое» остается чужим, и народ теплой Мадеры мало чем отличается от англичан. Подобную четкую границу проводят и авторы «хождений» прошлых веков: *Я – чужестранец, а ты – здешний* [Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1986, с. 65]. И знакомства с «чужими» стоит оставить за бортом: *Все совали нам в руки свои адреса, а я опустил в карман своего пальто еще две карточки, к дюжинам прочих, приобретенных в Англии. Их так много накопилось в карманах всех платьев, что лень было заняться побросать их за борт* [Гончаров, 1986, с. 69]. И тут же, словно откликнувшись на нечаянное воспоминание, в гармоничный мир просачивается стылый образ Туманного Альбиона, воплощенный в лице трех англичан, неподвижность и безупречность которых так напоминает механизмы. Автор их даже людьми избегает называть (только: *человеческие фигуры, жесткие явления*). «Нового паломника» это, безусловно, не радует. Он был уверен, что с Европой уже давно «попрощался»: *На бульваре, под яворами и олеандрами, стояли неподвижно три человеческие фигуры, гладко бритые, с синими глазами, с красивыми бакенбардами, в черном платье, белых жилетах, в круглых шляпах, с зонтиками, и с пронзительным любопытством смотрели то на наше судно, то на нас. Нужно ли называть их? И тут они?<...> Как неприятно видеть в мягком воздухе, под нежным небом, среди волшебных красок, эти жесткие явления!* [Там же, с. 70]. Поскольку И.А. Гончаров зачастую изображает человека «вписанным» в окружающий его мир, в свою очередь, созданный Богом [Мельник, 2022], негативное отношение к «чуждым» элементам, противопоставленным общей гармонии, является, на наш взгляд, вполне обоснованным. Но проходит некоторое время, и даже чудеса «чужой» природы начинают противопоставляться миру «своего». Создается образ, противоположный образу «своего» (излишняя резкость, чрезмерная обжигающая яркость, стройность и стремительность – далекие от гармонии), хоть и не имеющий негативной окраски и резкого неприятия, как это было в отношении англичан: *И тут солнце светит не по-нашему, как-то румянее; тени оттого все резче, или уж мне так показалось после продолжительной дурной погоды. Из-за заборов выглядывает не наша зелень. Везде по стенам и около окон фестонном лепится бесконечный плющ да целая ширма широколиственного винограда. Местами видны, поверх заборов, высокие стройные деревья, с мелко зеленью, это – мирты и кипарисы. Народ, непохожий на наш, северный: все смуглые лица да резкие, подвижные черты* [Там же, с. 72]. Самый точный контраст

виден и в обобщающем описании: «По климату – это столица мира; по тишине, малолюдству и образу жизни – степная деревня» [Гончаров, 1986, с. 72]. Неприятие «чужого» переносится с природы и народа на пищу. «Диковинка» становится большим разочарованием – и это тоже контраст, ожидание против реальности, ненавязчивый обман: *...Подают и мне – как не попробовать: ведь это мадера, еще и прямо из источника! Точно, мадера; но что за дрянь! <...> «Бананы! тропический плод! Дайте, дайте сюда!» Мне подали всю связку. Я оторвал один и очистил – кожа слезает почти от прикосновения, попробовал – не понравилось мне: пресно, отчасти сладко, но вяло и приторно, вкус мучнистый, похоже немного на картофель, и на дыню, только не так сладко, как дыня, и без аромата или с своим собственным, каким-то грубоватым букетом. Это скорее овощ, нежели плод...* [Там же, с. 73]. Русский человек скушает по пище «своей» земли – и, увидев «родное» растение, выбирает его, против заморских яств: «А это что? посмотрите-ка, ведь это наш зеленый лук?» – сказал Бутаков, сорвал пучок, и мы с ним отведали нашего северного плода [Там же, с. 77]. Разочарованием становится и осознание того, что всегда все лучшее почти во всех уголках земли принадлежит самой чуждой этой красоте нации – англичанам: *На лучших местах везде были english garden (английские сады)... Англичане здесь господа; лучшее вино идет в Англию. Между португальскими торговыми домами мало богачей. Наш консул считается значительным виноторговцем, но он живет очень скромно в сравнении с британскими негоциантами...* [Там же, с. 74]. Но с грустью признает и правду: деятельность таких «чуждых» англичан, возможно, пошла национально ленивым португальцам на пользу: *Не будь их на Мадере, гора не возделывалась бы так деятельно, не была бы застроена такими изящными виллами, да и дорога туда не была бы так удобна; народ этот не одевался бы так чисто по воскресеньям. Не даром он говорит по-английски: даром южный житель не пошевелит пальцем, а тут он шевелит языком, да еще по-английски. Англичанин дает ему нескончаемую работу и за все платит золотом, которого в Португалии немного...* [Там же, с. 74]. Скрытно-захватническая политика англичан на Мадере, да и сам менталитет португальцев, чужды, так как не соответствуют представлениям об устройстве жизни в понимании русского человека. Согласно русскому осмыслению мира, представленному, к примеру, в философских работах А.С. Хомякова и И.В. Киреевского, любой деятельности не следует в своей основе иметь преобладание материальных ценностей над духовными, а мир должен принадлежать «всем» (без разделения на мир англичан и португальцев соответственно). В данном же случае англичане ставят себя явно выше тех, кому дают работу, как бы примеряя на себя образ Бога (в полном соответствии с представлениями русского человека о западном устройстве мира) [Киреевский, 2007].

Свежим и почти родным, практически идеальным (сочетание свежего севера и теплых тропиков) остается только воздух – переданный через сравнение

со «своими» реалиями: *...не нарисуешь этого воздуха, которым дышит грудь, не передашь его легкости и сладости... Я дышал, бывало, воздухом нагорного берега Волги и думал, что нигде лучше не может быть. Откроешь утром в летний день окно, и в лицо дунет такая свежая, здоровая прохлада. На Мадере я чувствовал ту же свежесть и прохладу волжского воздуха, который пьешь, как чистойшую ключевую воду, да, сверх того, он будто растворен... мадерой, скажете вы? Нет, тонкими ароматами этой удивительной почвы, питающей северные деревья и цветы рядом с тропическими, на каждом клочке земли в несколько сажень, и не отравляющей воздуха никаким ядовитым дыханием жаркого пояса...* [Гончаров, 1986, с. 75]. В некотором отношении со «своим» сравниваются и люди, а точнее, лишь их одежда: *Женщины, особенно старые, повязаны платками и в этом наряде – точь-в-точь наши деревенские бабы* [Там же, с. 75]. В этом «новый паломник» не отклоняется от традиции «хождений», традиционно описывающих внешние атрибуты «чужого»: *У тамошнего князя – фата на голове, а другая на бедрах, а у бояр тамошних – фата через плечо, а другая на бедрах...* [Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1986, с. 46]. «Чужой» мир, как и в случае с морем, постепенно становится скучен, пусть и говорит об этом путешественник очень мягко: *Во всю дорогу в глазах была та же картина, которую вытеснят из памяти только такие же, если будут впереди...* [Гончаров, 1986, с. 75]. Местный же народ снова противопоставляется «своему», русскому: они льстиво-предупредительные и одновременно наглые: *...А все на русского человека говорят, что просит на водку: он точно просит; но если поднесут, так он и не попросит; а жителю юга, как вижу теперь, и не поднесут, а он выпьет и все-таки попросит на водку...* [Там же, с. 77]. Неприятие люда «чужого» мира отражено и в некоторых «хождениях»: *«Добронравия у них нет, и стыда не знают* [Хожение за три моря Афанасия Никитина, 1986, с. 49].

Прощается с Мадерой «новый паломник» совсем не так, как якобы следует серьезному взрослому человеку, а аналогично сложившимся впечатлениям об острове, очаровательно обманывая «веселое мгновение», Мадеру (в образе жены консула), которую не собирается вести в мир «своего», своеобразно отказываясь от нее: *Хозяйка дала нам по букету цветов. Я сказал, что отошлю свой, в подарок от нее, русским женщинам. Она поверила и нарвала мне еще. Я только сел в шлюпку и пустил букет в море...* [Гончаров, 1986, с. 78].

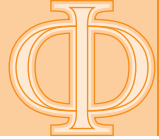
Заключение. Итак, «чужой» мир моря представляется «новому паломнику» злым (волны в шторм), туманным, «холодным» по причине его отдаленности от мудрости православной веры (наделение моря человеческими чертами – фактически «превращение» его ненадолго в языческое божество) и постепенно перестает его интересовать, в чем прослеживается связь произведения с ранними формами «хождений», характеризующимися отсутствием интереса к «чужому» вовсе, например текстом «Хождения игумена Даниила», где морской путь описывается весьма сдержанно, с краткими указаниями на расстояния: *От Царьграда*

надо идти по морскому берегу триста верст до Великого моря; А оттуда до Крита двадцать верст, и там – выход в Великое море: налево – к Иерусалиму, а направо к Святой горе, к Солуни и к Риму [Хождение игумена Даниила, 1997, с. 29]. Символом «своего» мира в шторм «чужого» мира становится русский корабль, в частности каюта капитана и ее меблировка, носящая характеристику «устойчивости» (если оступишься – упасть не дадут). Православное устройство «своего» мира передается, в частности, через образ корабля-храма и его команды, сплоченность которой воплощает идеи соборности в соответствии с религиозной философией А.С. Хомякова [Хомяков, 1886] и стремлением путешественника к гармонии, обычной для «своего» мира. «Теплый» «чужой» мир Мадеры оказывается не тем, чем казался издали, со «своего» берега, и становится для путешественника разочарованием. «Чужой» мир моря и Мадеры, в основном относительно ее населения и пищи, характеризуется искусственностью и обманчивостью, несмотря на кажущуюся прелесть. Теми же характеристиками «чужое» наделяли авторы хождений XV в.: *Солгали мне псы бесермены <...>, а для нашей земли нет ничего...* [Хождение за три моря Афанасия Никитина, 1986, с. 47]. Сам путешественник, образец «своего», русского, мира искривлен: глава начинается со свойственного русскому человеку чистосердечного признания собственной неуверенности: *Я все ждал перемены, препятствия; мне казалось, судьба одумается и не пошлет меня дальше: поэтому нерешительно делал в Англии приготовления к отъезду...* [Гончаров, 1986, с. 56]. Признание человека в своих слабостях можно считать одной из черт русских хождений: *Я, недостойный игумен Даниил, худший из всех монахов, смиренный, одержимый многими грехами, недоволен во всяком деле добром, понужден был своими помыслами и нетерпением; Братья и отцы, господи мои, простите меня грешного и не хулите мое худоумие и грубость...* [Хождение игумена Даниила, 1997, с. 27]. Также подобные формулы (признание в слабостях и выражение смирения и покорности) являются в принципе характерными для древнерусской литературы как своеобразная специфическая форма ее этикета, ибо в сознании русского человека данные качества воспринимались как добродетели. Об этом сказано, в частности, в исследованиях Н.В. Семеновой, Л.Г. Дорофеевой [Семенова, 2012; Дорофеева, 2013].

Таким образом, на основании проведенного анализа, с учетом идей современных исследователей можно сделать вывод о том, что «Фрегат “Паллада”» соотносится с жанром «хождений» по наличию ряда оппозиций «свое»/«чужое», затрагивающих область веры (например, «чужое» – хаос, «свой» мир – соборность и гармония); также путешественник использует формулы, характерные для жанра хождений и древнерусской литературы в целом; путешествуя на русском корабле, фрегате «Паллада», он словно совершает «паломничество», но не к особым «святым» местам, как это было принято в Древней Руси, а по всему «Божьему миру» (в чертоги Божьего мира), обозревая свет в единстве и полноте, что, в свою очередь, дает право говорить о путешественнике как о «новом паломнике».

Библиографический список

1. Аксенова М.В., Чарчоглян Т.Г., Садиева А.Н. Особенности хронотопа в травелогe (на примере «Путевых писем из Англии, Германии и Франции» Н.И. Греча) // *Juvenis Scientia. Филологические науки*. 2019. № 2. С. 15–17. DOI: 10.32415
2. Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. 2018. № 3 (33). С. 170–176. DOI: 10.29025/2079–6021-2018-3(31)-170-176
3. Гончаров И.А. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия: в 2 т. Л.: Наука, 1986. 880 с. (Литературные памятники).
4. Дорофеева Л.Г. Человек смиренный в агиографии Древней Руси (XI – первая треть XVII века): монография. Калининград: Аксиос, 2013. 436 с.
5. Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII–XX вв. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 1056 с.
6. Ермолаева Н.Л. Русский мир в книге очерков И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» // *Вестник Ивановского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. Филология*. 2013. Вып. 1 (13). С. 13–25.
7. Есаулов И.А. Новые категории филологического анализа для понимания сущности русской литературы // *Литературоведческий журнал*. 2007. № 21. С. 3–14.
8. Есаулов И.А. Пасхальность русской словесности. М.: Кругъ, 2004. 560 с.
9. Захаров В.Н. Православные аспекты этнопоэтики русской литературы // *Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков: Цитата, реминисценция, мотив, сюжет, жанр / отв. ред. В.Н. Захаров; редкол.: В.Н. Захаров, В.В. Дудкин, А.В. Пигин*. Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1998. Вып. 2. С. 6–30.
10. Казанцева И.А. «Мир русского православия» в современной литературе: слово, пространство и время в художественном осмыслении писателей // *Известия Самарского научного центра Российской академии наук*, 2009. Т. 11, вып. 4 (6). С. 1548–1555.
11. Киреевский И.В. Духовные основы русской жизни. М.: Институт русской цивилизации, 2007. 448 с.
12. Краснощекова Е.А. И.А. Гончаров: Мир творчества. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. 492 с.
13. Мельник В.И. Гончаров. М.: Вече, 2012. 432 с.
14. Мельник В.И. Драгоценные тайны и таинства человеческой души (И.А. Гончаров в этических спорах своей эпохи) // *Вестник славянских культур. Литературоведение и языкознание*. 2014. Вып. 3 (33). С. 139–149.
15. Мельник В.И. Поэтика эпического образа у И.А. Гончарова // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. 2022. Т. 14, вып. 3. С. 113–124. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-113-124

16. Мосалева Г.В. Литургические аспекты романа И.А. Гончарова «Фрегат “Паллада”» в контексте жанровых трансформаций // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2018. Т. 28, вып. 3. С. 328–334.
17. Мосалева Г.В. Русская духовная традиция и ее воплощение в национально-поэтическом эпосе А.Н. Островского: православно-аксиологический подход // Щельковские чтения – 2007. А.Н. Островский в контексте мировой культуры. Кострома: Авантитул, 2008. С. 5–18.
18. Мосалева Г.В. Русская духовная Традиция: ее генеалогия и развитие // Теория Традиции: христианство и русская словесность: кол. монография / науч. ред., сост., предисл. Г.В. Мосалева. Ижевск: Удмуртский университет, 2009. С. 3–20.
19. Мосалева Г.В. Храмовая тетралогия И.А. Гончарова: истоки поэтичности: монография. Ижевск: Удмуртский университет, 2023. 138 с. DOI: 10.35634/978-5-4312-1096-9-2023-1-138
20. Мосалева Г.В. Храмово-корабельная образность в «Обломове» И.А. Гончарова // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2017. Т. 27, вып. 5. С. 658–664.
21. Набилкина Л.Н. Европа в травелогах русских писателей // Теория и практика общественного развития. Культурология. 2014. № 1. С. 323–325.
22. Орнатская Т.И. История создания «Фрегата “Паллада”» // Гончаров И.А. «Фрегат “Паллада”». Очерки путешествия: в 2 т. Л.: Наука, 1986. С. 763–787.
23. Семенова Н.В. Лексика самооценки в истории русского языка: *покорность* // Вестник Пермского университета. Русская и зарубежная филология. 2012. Вып. 1 (17). С. 25–32.
24. Хожение за три моря Афанасия Никитина / изд. подгот. Я.С. Лурье и Л.С. Семенов; отв. ред. Я.С. Лурье; ред. изд-ва В.А. Браиловский; худож. Л.А. Яценко. 3-е изд., перераб. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. 213 с.
25. Хожение игумена Даниила. Библиотека литературы Древней Руси / РАН, Ин-т рус. лит. (Пушк. Дом); под ред. Д.С. Лихачева и др. СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. 685 с.
26. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. М.: Университетская типография, 1886. Т. 2. 492 с.

Сведения об авторе

Касьянова Анна Андреевна – аспирант, Удмуртский государственный университет (Ижевск); e-mail: ana3538@yandex.ru

THE ‘NATIVE’ AND ‘FOREIGN’ IN THE NARRATIVE STRUCTURE OF THE *FRIGATE PALLADA* BY I.A. GONCHAROV

A.A. Kasyanova (Izhevsk, Russia)

Abstract

Statement of the problem. The article aims to consider the book “Frigate Pallada” from the point of view of its compliance with the characteristics of ancient Russian literature, represented of the genre of ‘pilgrimage’ the fundamental of which is the presence of the opposition ‘native’ / ‘foreign’, through the prism of which the traveler perceives the world around him, endowing him with certain qualities.

The purpose of this article is to consider the descriptions of the ‘native’ and ‘foreign’ world in the second chapter of the book (because during the journey described in it, the traveler for the first time truly moves away from the ‘familiar’ world) given to him by the ‘new pilgrim’, to characterize through their relationship the attitude of the Russian person to the world in the context of his religiosity, spirituality as an essential feature of Russian literature, noted by many researchers, for example, G.V. Mosaleva, V.N. Zakharov, I.A. Yesaulov, M.M. Dunaev, I.A. Kazantseva.

Review of scientific literature on the problem. The works by V.I. Melnik, G.V. Mosaleva, N.L. Ermolaeva are devoted to understanding the work of I.A. Goncharov from the point of view of his religiosity.

Methodology (materials and methods). The methods used in the article are hermeneutical and Orthodox-axiological.

Research results. As a result of the analysis of the descriptions of the ‘native’ and ‘foreign’ world, the main characteristics of the spaces are formed: the ‘foreign’ is represented by the image of the sea and Madeira, and the ‘native’ is represented by the Russian frigate as the image of the house and its crew.

Conclusions. The conducted research has shown that a ‘foreign’ space will not be close to an Orthodox person, but ‘foreignness’ is revealed only through direct interaction, since it can lure with artificiality and imaginary beauty from a distance.

Keywords: *Goncharov I.A., Frigate “Pallada”, religious motives, native and foreign world, pilgrimage genre.*

References

1. Aksenova M.V., Charchoghlian T.G., Sadieva A.N. Special features of chronotope in a travelogue (by the example of “Travel letters from England, Germany and France” by N.I. Grech”) // *Juvenis Scientia. Philological sciences.* 2019. No. 2. P. 15–17. DOI: 10.32415
2. Aksenova M.V. Travelogue: travelling of the genre and the genre of travelling // *Actual problems of philology and pedagogical linguistics.* 2018. No. 3 (33). P. 170–176. DOI: 10.29025/2079-6021-2018-3(31)-170-176
3. Goncharov I.A. “Frigate Pallada”. Travel essays in two volumes. Leningrad: Science, 1986. 880 p. (Literary monuments).
4. Dorofeeva L.G. The humble man in the hagiography of Ancient Russia (XI – the first third of the XVII century): monograph. Kaliningrad: Axios, 2013. 436 p.

5. Dunaev M.M. Faith in the crucible of doubt. Russian Orthodoxy and Literature in the XVII–XX centuries. Moscow: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2003. 1056 p.
6. Ermolaeva N.L. The Russian World in the book of essays by I.A. Goncharov “Frigate Pallada” // Bulletin of the Ivanovo State University. The Humanities series. Philology. 2013. Is. 1 (13). P. 13–25.
7. Yesaulov I.A. Paschality of Russian literature. Moscow: Krug, 2004. 560 p.
8. Yesaulov I.A. New categories of philological analysis for understanding essences of Russian literature // Literary Journal. 2007. No. 21. P. 3–14.
9. Zakharov V.N. Russian Orthodox aspects of the ethnopoetics of Russian literature // The Gospel text in Russian literature of the XVIII–XX centuries: Quotation, reminiscence, motive, plot, genre / Corresponding ed. V.N. Zakharov; Ed.: V.N. Zakharov, V.V. Dudkin, A.V. Pigin. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University, 1998. Is. 2. P. 6–30.
10. Kazantseva I.A. “The Universe of Russian Orthodoxy” in modern literature: the artistic purport of a word, space and time // Izvestiya Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 2009. Vol. 11, is 4 (6). P. 1548–1555.
11. Kireevsky I.V. The spiritual foundations of Russian life. Moscow: Institute of Russian Civilization, 2007. 448 p.
12. Krasnoshchyokova E.A. I.A. Goncharov: The World of Creativity. St Petersburg: Pushkin Foundation, 1997. 492 p.
13. Melnik V.I. Goncharov. Moscow: Veche, 2012. 432 p.
14. Melnik V.I. Precious secrets and mysteries of the human soul (I.A. Goncharov in the ethical disputes of his era) // Bulletin of Slavic cultures. Literary studies and linguistics. 2014. Is. 3 (33). P. 139–149.
15. Melnik V.I. Poetics of the Epic Image in Works by Ivan Goncharov // Bulletin of Perm University Herald. Russian and Foreign Philology. 2022. Vol. 14, is. 3. P. 113–124. DOI: 10.17072/2073-6681-2022-3-113-124
16. Mosaleva G.V. Liturgic features of “The Frigate “Pallada” by I.A. Goncharov from the perspective of genre transformations // Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series. 2018. Vol. 28, is. 3. P. 328–334.
17. Mosaleva G.V. The Russian spiritual tradition and its embodiment in the national poetic epic of A.N. Ostrovsky: an Orthodox axiological approach / Shchelykov Readings – 2007. A.N. Ostrovsky in the context of world culture. Kostroma: Avanti-titul, 2008. P. 5–18.
18. Mosaleva G.V. The Russian spiritual Tradition: its genealogy and development // Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature. Collective monograph / Scientific ed., comp., preface by G.V. Mosaleva. Izhevsk: Udmurt University, 2009. P. 3–20.
19. Mosaleva G.V. I.A. Goncharov’s Temple Tetralogy: the origins of poetry: a monograph. Izhevsk: Udmurt University, 2023. 138 p. DOI: 10.35634/978-5-4312-1096-9-2023-1-138

20. Mosaleva G.V. Imagery of a temple and a ship in the novel “Oblomov” by I.A. Goncharov // Bulletin of the Udmurt University. History and Philology series. 2017. Vol. 27, is. 5. P. 658–664.
21. Nabilkina L.N. Europe in travelogues by the Russian writers // Theory and practice of social development. Culturology. 2014. No.1. P. 323–325.
22. Ornatskaya T.I. The history of the creation of “The “Frigate Pallada”// Goncharov I.A. “Frigate Pallada”. Travel essays in two volumes. Leningrad: Science, 1986. P. 763–787.
23. Semenova N.V. Self-evaluation lexis in the history of the Russian language: *obedience* // Bulletin of the Perm University. Russian and Foreign Philology. 2012. Is.1 (17). P. 25–32.
24. The pilgrimage the Three Seas by Afanasy Nikitin / Ed. by J.S. Lurie and L.S. Semenov; Ed. by J.S. Lurie; Ed. by V.A. Brailovsky; Artist L.A. Yatsenko. 3rd ed., reprint. Leningrad: Science. Leningr. edition, 1986. 213 p:
25. The pilgrimage of Father Superior Daniel to the Holy Land. Library of literature of Ancient Russia. Vol. 4. XII century // RAN, In-t rus. lit. (Pushk.Dom); under red. D.S. Likhacheva et al. St. Petersburg: Science, 1997. 685 p.
26. Khomyakov A.S. Complete works: in 8 vol. Moscow: University Printing House, 1886. Vol. 2. 492 p.

About the author

Kasyanova, Anna Andreyevna – PhD Candidate, Udmurt State University (Izhevsk, Russia); e-mail: ana3538@yandex.ru